

интересовало развитие земско-медицинского дела, изучение заболеваемости, вопрос о введении карточной регистрации первичных обращений за врачебной помощью, постановка работы санитарно-статистического бюро, налаживание деятельности санитарных советов и пр. Ченькаевы часто бывали у нас. В марте 1903 г. Владимир Дмитриевич оказал акушерскую помощь при рождении моей младшей дочери Валентины¹.

Почти десять лет спустя, в 1912 г., во время заграничной поездки я навещал жившего в то время в Париже В. Д. Ченькаева. Он по-прежнему живо откликался на все течения и события русской общественной жизни. Как практический врач с большим опытом, Владимир Дмитриевич имел практику в одном из периферийных районов Парижа и, конечно, тосковал по земской врачебной деятельности, но перспективы на скорую возможность вернуться на родину он в то время ещё перед собой не видел.

В Вологде в 1904 г. был в ссылке Степан Иванович Радченко², которого я хорошо знал в Петербурге по его работе в рабочих кружках. В Вологде он был нашим близким другом. Мы с Любовью Карповной поддерживали постоянное общение с несколькими ссыльными, работавшими в губернском земстве в отделе статистики: Саммером³, который после Октябрьской революции был председателем Губисполкома; Дреллингом, Марией Дидрикуль и со многими другими.

Деятельность и жизнь в Костроме (1904–1909)

После VI Вологодского съезда земских врачей я стремился ускорить редактирование и печатание его трудов и подготовку всего необходимого для осуществления решений съезда по организации изучения движения населения (общей и детской смертности, рождаемости, брачности) по волостным районам, т. е. по группам приходов, приблизительно совпадающим с волостями, и других. Только после издания всех трёх томов трудов VI съезда я считал возможным переехать из Вологды в Кострому. Посещение Костромы для окончательных переговоров с губернской управой вызвало у меня восхищение самим городом, его живописным расположением на склонах и верхней террасе волжского берега, открывавшимися из города замечательными видами на заволжские дали.

В губернской управе не чувствовалось особого интереса к предстоящему развёртыванию работы. Её председателем оставался более чем вось-

¹ Валентина Захаровна родилась 21 марта по ст. стилю (2 апреля — по новому).

² Радченко Степан Иванович (1869–1911) — участник революционного движения, инженер. Один из организаторов и руководителей Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, член ЦК РСДРП. С 1906 от партийной работы отошёл.

³ Саммер Иван Адамович (1870–1921) — член РСДРП с 1897. В революцию 1905–1907 секретарь Русского бюро ЦК, один из руководителей вооруженного восстания в Казани.

мидесятилетний П. В. Исаков, достаточно далёкий от всяких передовых течений или стремлений к расширению круга земской деятельности, к прокладыванию путей для новых земских начинаний. Однако он со вниманием выслушал мои соображения о более целесообразной организации противоэпидемических мероприятий, о распределении расходов на врачебно-санитарное дело между губернским и уездными земствами, об учреждении должностей санитарных врачей для согласованного проведения постоянной санитарной работы в уездах, об издании губернским земством обзоров и материалов по санитарному изучению губернии.

Год был выборный. Предстояли выборы управы на новое трёхлетие, и старому земскому председателю, по-видимому, казалось не бесполезным выступить перед собранием с докладом, который мог бы привлечь внимание новых гласных. В связи с этим управа выразила желание, чтобы я ускориł переезд в Кострому. Однако мне удалось осуществить это только в начале осени. Поселились мы в нижнем этаже в доме Москвина на верхней волжской террасе, недалеко от спуска к Волге в Губернаторском переулке.

Я начал свою работу с наиболее полного собрания материалов о санитарном состоянии Костромской губернии, о положении и развитии в ней земско-медицинского дела. В первые же недели мною был подготовлен, напечатан и разослан всем врачам первый выпуск «Врачебно-санитарного обозрения Костромской губернии». Предстояло подготовить созыв совещания при губернской управе представителей уездных санитарных советов для перехода к созданию постоянного губернского совета, объединяющего и направляющего всю земско-медицинскую организацию.

Была осень 1904 г. и до Костромы докатывались волны подъёма общественного движения. На проходивших в губернской управе совещаниях я познакомился с заведующим земской статистикой Корсаковым и другими земцами передовых воззрений. Совещания не ограничивались уже только узкими рамками текущих земских задач, а систематически начинали связывать возможность успешного развития всех местных дел и удовлетворение местных нужд с необходимостью коренных преобразований во всём строе, в укладе государственного управления.

Существенно важным в моей работе было принятие губернской управой разработанного мною положения о губернском санитарном совете и созыве его первого заседания 15 ноября 1904 г. На нём была утверждена предложенная мною же программа проведения в ближайшее время очередного губернского съезда врачей, который не созывался в Костроме уже в течение шести лет. Однако революционные события 1905-го и последующих годов не дали возможности подготовить и провести этот съезд раньше 1908 г. Общее направление мыслей и общественных устремлений в кругах передовых земских врачей конца 1904 г. нашло полное отражение в ходе и постановлениях Пироговского противохолерного съезда в марте 1905 г. в Москве.

Последние месяцы 1904 г. прошли для меня в напряжённой работе по составлению докладов по проблемам развития врачебно-санитарного дела в губернии к очередному Костромскому земскому собранию, предстоявшему в январе 1905 г. В них я обосновывал необходимость заблаговременно приступить к проведению широких мер против угрожавшей эпидемии

холеры. Я считал основной задачей переход от временных, экстренных мер к созданию постоянной врачебно-санитарной организации, опирающейся на развитую сеть врачебных участков с надлежаще оборудованными больницами, отделениями для заразных больных, способствующей самодеятельности населения в проведении оздоровительных мер (санитарные попечительства). Я считал необходимым также широко развернуть работу по санитарному просвещению.

Особый доклад был посвящён организации в Костромской губернии сети лечебно-продовольственных пунктов в местах скопления речников, судорбочих и рабочих, отправляющихся на временные заработки, занятых «отходными» промыслами. Все доклады по санитарному делу, составленные мною в декабре 1904 г., были напечатаны отдельным выпуском. По постановлению земского собрания осуществление содержащихся в них предложений и стало основой моей профессиональной работы в 1905 г.

Было увеличено число уездных санитарных врачей, налаживалась систематическая работа губернского и уездных санитарных советов, Участие в их заседаниях давало возможность детально знакомиться с работой врачебно-санитарной сети на периферии и получать непосредственные сведения о личном составе земских медицинских работников. В Кинешме выдающуюся роль играл молодой инициативный председатель управы П. П. Калачёв, а среди участковых врачей выделялась замечательная по своей хирургической и организаторской работе Ольга Стратониковна Яковлева. В связи с отсутствием больницы на её участке она приспособила, затрачивая на это своё жалование, операционную в крестьянской избе. В 1905 г. для участия в уездных врачебно-санитарных советах я выезжал в Юрьевец, в Макарьев, в Галич. Для помощи в организации работы созданных в 1905 г. попечительств я несколько раз выезжал в посёлок Большие Соли, где принимал участие в заседаниях попечителей.

Налаживание работы санитарных попечительств в условиях не прекращавшейся опасности развития холерной эпидемии была наиболее доступной — с точки зрения полицейских преград — формой общественной работы по поднятию самодеятельности населения и по участию врачей в культурно-просветительной работе. Нараставшее в 1904–1905 гг. оживление общественной жизни оказывало влияние на увеличение числа и расширение деятельности попечительств, которые стали включать в круг своих мероприятий открытие местных потребительских обществ, кредитных товариществ, кооперативных складов и лавок.

Перешедший на работу в Кострому из Московского земства Александр Сергеевич Дурново — молодой, энергичный участковый врач Большесольского участка с увлечением занимался делами своего попечительства. Ему удалось вовлечь в эту работу ряд очень деятельных выдвиженцев из крестьян. Возникла тесная связь санитарного попечительства с кооперативным движением. Я помещал обширные подробные отчёты об оживлённой деятельности Большесольского попечительства во «Врачебно-санитарном обозрении...». Однако в 1906 г. костромское жандармское управление и его вдохновитель товарищ прокурора — известный П. Н. Кошуро-Масальский разгромил молодое, начинавшее жить большесольское общественно-

кооперативное движение. Доктора Дурново и нескольких кооператоров-крестьян арестовали и долго томили в тюрьме с явной целью терроризировать местное население и земскую интеллигенцию.

Летом 1905 г. с большим успехом шла организация разработанной мною сети лечебно-продовольственных пунктов в местах скопления рабочих на пристанях по Волге: в Кинешме, в Юрьевце и по её притокам — Ветлуге и Унже, в Макарьеве и Шарье. Для работы в этих пунктах были приглашены студенты-медики последних курсов преимущественно из Медицинской академии и Женского медицинского института. Работа на этих пунктах состояла в организации ночлежных помещений, столовой, чайной и в оказании амбулаторно-врачебной помощи. Одновременно велась большая санитарно-просветительная и культурная работа.

Это был 1905 год! С большим подъёмом, не жалея сил, не щадя своего здоровья трудились на лечебно-продовольственных пунктах приглашённые нами студенты и студентки (Людмила Васильевна Мороз, Ушаков, Каберидзе и целый ряд других). Они пропускали в сутки по тысяче и более рабочих, обследуя их, отделяя здоровых от больных, оказывая медпомощь, ведя санитарную и культурно-просветительскую работу. Увлечение миссией добрых дел помогало молодым работникам преодолевать огромные организационные трудности и вести напряжённую «вахту» по пятнадцать и более часов в сутки. И вот в самый разгар этой работы Кошуру-Масальский с жандармами предпринял рейд, произвёл обыски в поисках революционной литературы и арестовал всех заведующих лечебно-продовольственными пунктами. Как только губернская управа получила об этом телеграмму, немедленно, по моему представлению, были посланы другие находившиеся в Костроме студенты, которые оказались вполне достойными заместителями своих предшественников.

Кошуру для устрашения произвёл обыск и у меня. Любовь Карповна проявила при этом необыкновенную выдержку. Обыск у меня по замыслу и под непосредственным руководством и с личным участием товарища прокурора Кошуру-Масальского проведён был с подчёркнутой крикливостью и давлением. Квартира была оцеплена пешей и конной полицией. Жандармы и с ними сам Кошуру-Масальский копались с вечера и всю ночь до утра, перетряхивали детские кровати и кухонную утварь, подушки, мебель, перелистывали каждую книгу. В предъявленном ордере было указано, что обыск должен быть произведён у меня, а не у моей жены. Поэтому Любовь Карповна решительно и настойчиво требовала, чтобы её комнаты и её вещи обыску не подвергались. Но, невзирая на спокойную и твёрдую позицию Любви Карповны, товарищ прокурора отдал распоряжение копать и искать повсюду. Он потребовал, чтобы была раскрыта личная шкатулка Любви Карповны, но получил твёрдый отказ: «Шкатулка с моими личными инициалами, в ней мои интимные письма, и я не хочу, чтобы в них копались чужие, грязные руки». В конце концов, Масальский сделал оформленное постановление: «Призвать слесаря для вскрытия ларца», ввиду отказа дать ключ от него.

В томительном ожидании вся жандармская сила оставалась без действия, пока полиция не отыскала в городе глухой ночью слесаря. Привезённый, наконец, какой-то мастер, неумелый и напуганный, долго возился

с ларцом, но всё-таки взломал пружину и открыл крышку. Шкатулка была... пуста! В ней лежали лишь обручальные кольца. Даже жандармы, к огорчению Кошуру, не смогли удержаться от взрыва смеха над разочарованным представителем прокурорского надзора.

Среди разных бумаг по распоряжению Кошуру-Масальского у меня был захвачен черновик доклада губернского предводителя дворянства П. В. Шулепникова, который тот оставил вечером у меня с просьбой ознакомиться и дать ему утром некоторые справки. На открывшемся Губернском дворянском собрании предводитель с глубоким возмущением сообщил о бесчинстве Масальского, захватившего при обыске его доклад. Попутно он описал бесчинства помощника прокурора и в отношении лечебно-продовольственных пунктов. Неслыханным в летописях таких архаических учреждений, как дворянское собрание, было единогласное постановление обратиться в Министерство юстиции с ходатайством о немедленном переводе Масальского из Костромской губернии, как оскорбившего предводителя дворянства и, в его лице, всё костромское дворянство. Всё это происходило в начале октября. Революционные события и явившийся в их результате октябрьский манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласивший гражданские свободы и создание Государственной думы, положили конец всем прокурорским замыслам и делам.

Но через несколько дней после октябрьского манифеста в Костроме, как и во многих других городах, произошли погромные избиения молодёжи, подготовленные и организованные черносотенной организацией «Союз русского народа» при благосклонном участии местных полицейских властей.

Ярко встаёт в памяти картина, которую мне пришлось видеть ночью после того, как днём на площади в Костроме было первое шествие молодёжи с плакатом учащих семинарии о манифесте 17 октября. Съехавшиеся на базар крестьяне, подстрекаемые полицией, напали на манифестантов. Ночью ко мне постучался околоточный, он просил меня поехать с ним в полицейское управление, чтобы оказать помощь умирающему. Я прибыл в полицию. Там в комнате исправника находились несколько окровавленных, стонавших юношей, избитых и израненных. Я потерял самообладание, стал громко упрекать полицейских чинов за бесчеловечное отношение к людям, требовал, чтобы раненые были немедленно отправлены в больницу. Исправник Каковский был, как поляк, не очень благосклонно настроен к «чёрной сотне» «Союза русского народа». Он насильно вывел меня через особую дверь и настойчиво просил удалиться. «Вы ничего не понимаете и не видите, скорее уходите!»

Я отправился не домой, а в «общественное собрание» (клуб). Там всегда были дежурные старшины. Я по телефону обратился к губернатору Князеву, описал ему весь ужас виденных мною избитых и израненных юношей и просил его распорядиться об отправке их в больницу. Всё это было, разумеется, совершенно необычно. Губернатор растерянно и достаточно сухо «поблагодарил за сообщение». Он действительно отдал распоряжение о переводе избитых в больницу, где я их и увидел на следующий день.

В течение нескольких дней циркулировали слухи, что погрому подвергнется со стороны какой-то «чёрной сотни» моя квартира. Но дальше разговоров дело не пошло. Слишком очевидно и широко нарастало освободительное движение. Оно как-то самочинно стало проявляться даже в том, где и в чём его менее всего можно было ожидать. В Костроме, как во всяком губернском городе, ещё с гоголевских времён, существовал клуб, по своему уставу именованный «общественным собранием». Его подлинным содержанием была игра в карты, в пределах допускаемой законом степени азартности. Кроме карточной игры, в клубе процветал буфет и имелись мало кого интересовавшие библиотека и читальня. Но с 1904 г. сначала понемногу, а затем всё более заметно стал нарастать интерес именно к клубной библиотеке. Обычно пустые в прежние годы обширные залы читальни стали местом, куда заходили не карточные завсегдатаи, а служащие губернского земства, адвокаты, врачи и прочие «разночинцы». В соответствии с возросшими запросами клубная администрация, имея на это ранее не использованные средства, расширила список получаемых газет, журналов и вновь выходящих книг. Совет старшин, подчиняясь духу времени, стал устраивать литературные вечера. Уже не для еженощной игры в карты, а для пользования библиотекой и кабинетами для чтения стали вступать в клуб новые члены. И однажды, при очередном переизбрании совета старшин клуба в его состав были избраны популярные в городе присяжные поверенные Огородников и Доброхотов, земцы и врачи. В числе их, к немалому моему изумлению, оказался и я.

Совершенно чуждый буфетным и карточным делам, я старался оправдать оказанную мне честь и доверие содействием расширению культурно-просветительной стороны в жизни и деятельности клуба. В нём были организованы публичные лекции на злободневные общественно-политические темы, которые читали приглашённые из Москвы профессора и литераторы (Шершеневич¹, Гольцев² и др.). Вскоре весь центр тяжести клубной жизни переместился в эту новую область.

В этот период окончательно сформировались и определились мои политические взгляды, и я сделал свой выбор относительно партийной принадлежности. Я не считал для себя приемлемым стать, как моя сестра Евгения, её муж и мой друг Константин Осипович Левицкий и брат мой Яков, на сторону революционных марксистов, в особенности большевиков. В это время формировались другие партии, которые были мне ближе по своим задачам и методам борьбы.

В 1904–1905 гг. вокруг журнала «Освобождение»³ возникла нелегальная политическая организация «Союз освобождения», объединившая

¹ Шершеневич Габриэль (Гавриил) Феликсович (1863–1912) — правовед, профессор Казанского и Московского университетов; один из ведущих идеологов и автор программы кадетской партии, депутат 1-й Государственной думы.

² Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) — правовед, литератор, публицист, сотрудничал в «Русских ведомостях» и «Вестнике Европы», в «Русской мысли»; земский деятель.

³ Еженедельный журнал либерального направления, 1902–1905 (Штутгарт, Париж), 79 номеров, редактор П. Б. Струве.

представителей интеллигенции и земских либералов. Во многих городах появились отделения этой организации. «Союз освобождения» ставил своей задачей добиться установления в России конституционной монархии, введения всеобщих выборов, равенства всех людей перед законом, невзирая на их национальность, расу, пол, вероисповедание и сословную принадлежность, а также защиту интересов трудящихся и т. д. Председателем «Союза освобождения» был избран земский деятель И. И. Петрункевич¹. Я принял активное участие в создании «освобожденческого» кружка в Костроме. В разгар революционных выступлений 1905 г. «освобожденцы», как нас тогда называли, приняли на своём съезде программу, включавшую требования принудительного отчуждения части помещичьей земли и передачи её крестьянам, введения 8-часового рабочего дня и т. д. После опубликования в июне 1905 г. закона об учреждении высшего законосовещательного представительского органа России — Государственной думы и положения о выборах в неё, «Союз освобождения» высказался за участие в работе первого российского парламента и за создание на основе своего «Союза» совместно с «Союзом земцев-конституционалистов» Партии конституционных демократов (кадетов) или Партии народной свободы. Я стал одним из организаторов ячейки кадетской партии в Костроме. А на стороне большевиков самое активное участие в революционных событиях этого периода приняли мои братья Яков и Сергей, а также Левицкие².

После октябрьских событий 1905 г. (всероссийская политическая стачка; волнения в армии и на флоте, крестьянские выступления и т. д.) запросы на обсуждение злободневных общественно-политических вопросов стали проявляться не только в Костроме, но и в ряде других наиболее затронутых кооперативным движением сельских местностях. С такими запросами обращались в книжный склад губернского земства, которым ведала замечательно преданная идее культурного просвещения населения А. Дм. Лапотникова. Она сумела сгруппировать вокруг себя молодых сотрудников, составлявших библиотеки для сельских кредитных и сельскохозяйственных кооперативов, для потребительской кооперации, для возникавших среди сельской молодёжи кружков самообразования. Лапотникова апеллировала к чувству долга всякого интеллигента перед народом, когда в соответствии с поступающими к ней с мест просьбами обращалась с указанием на необходимость выехать и прочесть лекцию или провести собрание в том или ином сельском центре. В ноябре и декабре 1905 г. мне тоже пришлось выезжать по указанию Лапотниковой для лекций о задачах земства, а также о задачах переустройства государственного строя.

Один из таких выездов мне особенно памятен. Это было во второй половине декабря. Нужно было отозваться на просьбу кружка молодых клиентов книжного склада в селе Минском о проведении у них собрания о

¹ Петрункевич Иван Ильич (1843–1928) — земский деятель, юрист, организатор земских съездов 1870-х гг., один из лидеров кадетов, редактор газеты «Речь». После 1917 — эмигрант.

² О революционной деятельности в этот период брата Захария Григорьевича — Якова см. архивные документы в Приложении № 4.

задачах государственного переустройства. Я выехал под вечер. Извозчик, мой большой приятель, преданный передовому общественному движению, в пути при начавшейся метели сбился с дороги. Довольно долго мы плутали и лишь поздно вечером заехали в Пушкино, где пришлось заночевать. На следующий день — это было воскресенье — всё же я добрался до Минского и провёл собрание. Народу собралось полная изба, слушали с большим интересом, завязалась очень оживлённая беседа. В это время в избу вошла группа возбуждённых пожилых крестьян, которые громко потребовали, чтобы я сказал, кто я такой, откуда приехал, кто меня прислал. Я спокойно ответил на их вопросы. Тут мне передали, что привезший меня извозчик настойчиво просит меня выйти к нему во двор. Когда я вышел, он решительным тоном, хотя и вполголоса, сказал, что моя шапка и шуба уже у него в санях, и что я должен немедленно идти задворками к ним. Я пытался его успокоить, обратить в шутку его чрезмерную настороженность, но он решительно потащил меня за постройки, провёл к саням, где нас ждал один из молодых строителей собрания, и лишь только мы сели в сани, без дороги, через заснеженное поле выехали за деревню. Только после того, как мы выехали на большую дорогу, уже далеко от села, извозчик рассказал мне, в чём дело. В ожидании собрания у нескольких известных в селе черносотенцев собралась целая группа их единомышленников из других сёл. Пока я делал доклад, они ходили по избам и созывали людей, чтобы расправиться с приезжим смутьяном. Им удалось собрать большую толпу на берегу Волги. Они кричали этой толпе, что со смутьянами теперь расправа короткая: топить их в Волге! Мой извозчик был свидетелем, как принялись рубить большую прорубь в реке у спуска дороги. Тогда он прибежал и, посоветовавшись с хозяином избы, где было собрание, решил немедленно увезти меня другой дорогой из села. Когда мы приехали в Кострому, возница мой облегчённо вздохнул и благословил судьбу за то, что мы благополучно выбрались из беды.

На других собраниях в Шунге, в Самети, где мне приходилось выступать, черносотенные группы угрожающе собирались у избы, где шло собрание, бросали в стены камни, но разбегались, когда участники беседы организованно выходили, чтобы дать им отпор.

В начале 1906 г. при отборе выборщиков для избрания на губернском съезде членов в Государственную думу я оказался в числе избранных от города Костромы. Помню, как в день заключительного заседания губернского съезда выборщиков рано утром ко мне на квартиру совершенно неожиданно пришла целая группа, человек семь-восемь, пожилых крестьян-выборщиков от более далёких уездов — Кологривского, Макарьевского и других, и один из них от имени всей группы обратился ко мне с сообщением, что они хотели бы меня выбрать в члены Государственной думы, так как, слушая выступления на съезде, они увидели, что я понимаю народные нужды и крестьянское дело, но «вот говорят, что ты еврейского происхождения. Не томи наши души, скажи: жид ты или не жид?»¹. Я ответил, что в

¹ Атеист по мировоззрению, Захарий Григорьевич был крещёным и во всех революционных документах числился лицом православного вероисповедания.

Государственной думе я честно и настойчиво, насколько хватит сил и умения, буду отстаивать те взгляды, которые развивал в своих выступлениях на губернском съезде. Но я должен быть уверен, что я опираюсь на согласие со мною моих избирателей, а в числе моих основных убеждений стоит признание полного равноправия всех граждан, независимо от их происхождения и веры. Поскольку они такого равноправия не признают, задавая мне свой вопрос, то я прошу их за меня не голосовать.

Невзирая на это, все они, по-видимому, подали голос за меня, т. к. в числе избранных от губернии членов первой Государственной думы оказался и я.

После избрания в члены Государственной думы нас приветствовали в костромском клубе (общественном собрании) и в губернском земстве. Всего от Костромской губернии в Думу были избраны шесть человек. Из них двое — от крестьян: П. Д. Горохов (52 лет) и И. В. Замыслов (32 лет); один депутат — от рабочих: А. И. Смирнов (25 лет); один земский деятель от дворян — П. А. Сафонов (38 лет) и двое представителей разночинной интеллигенции: присяжный поверенный Н. А. Огородников (34 лет) и, наконец, — я. Мне тогда было 36 лет. Все шестеро представляли одну и ту же партию — кадетскую. По инициативе Николая Александровича Огородникова мы, вновь избранные члены Думы, обратились по телеграфу к графу Витте, бывшему главой правительства, с требованием вернуть из ссылки и выпустить из тюрем всех тех, кто оказались выбранными в члены Думы.

После выборов я продолжал вести свою обычную работу в земстве. Только за неделю до открытия Государственной думы, намеченного на 27 апреля, мы выехали из Костромы. Чтобы попасть на вокзал, нужно было переправиться через Волгу. У переправы при спуске с Молочной горы собралось много народа, чтобы проводить нас. Среди собравшихся были приехавшие на рынок крестьяне, были кооператоры из Самети и Шунги, но было много и горожан, земских служащих и участников предвыборных собраний. Когда паром начал отчаливать, последнее напутственное слово сказал один молодой крестьянин-кооператор: «Стойте крепко за народное правое дело, не страшитесь никаких угроз, мы всем народом постоим за своих посланцев. Ни один волос не упадет с вашей головы, не допустим этого». С паромом в ответ неслись наши благодарности за доверие: «Всё, что в наших и ваших силах, всё, что сможем для пользы народа, постараемся сделать». Паром всё удалялся от берега, уклоняясь вниз, сносимый течением.

Потом мы ехали в поезде. Как живо встают в моей памяти эти минуты! Я смотрел из окна вагона на мелкие поросли ольхи и ивняка, на болота, поросшие тощими соснами, на редкие разработки торфа. Удастся ли увидеть вместо этой тощей, убогой картины бесконечных пространств «неудобной», бросовой земли осушенные пространства лугов и возделываемых полей, «устроенные» леса, рациональную добычу торфа? Доживу ли до такого времени? Ближайшее будущее казалось неясным, смутным...

По приезде в Петербург на первое время я остановился вместе с другими депутатами от Костромы. До начала работы Думы шла организация фракций, в том числе фракции депутатов, примыкавших к Конституционно-демократической партии. Я принял деятельное участие в налаживании её работы. Ближайшими и несомненными, в моих глазах, задачами, стоявшими

ми перед Думой, как законосовещательным органом, было установление и упрочение фундамента политической свободы и равноправия людей без различия социального положения, пола, нации и расы. Это требовало не только настойчивого труда, но и известного опыта, знаний. Мне казалось, что мои усилия более всего будут плодотворны при объединении их с силами наиболее авторитетных знатоков конституционных основ, таких, как Ф. Ф. Кокошкин¹, Г. Ф. Шершеневич, Л. И. Петражицкий², М. М. Винавер³ и другие деятельные члены фракции партии кадетов.

Как и в предыдущие, 1892–1903 гг., я понимал первостепенное значение работы по объединению рабочего класса, по созданию и развитию той силы, которая в борьбе с абсолютизмом и реакцией в состоянии будет нанести по ним решающие удары. Но успеху этой борьбы могло содействовать на каждом её этапе также и ослабление опор, поддерживающих прочность самодержавного строя. Одной из существенных опор царизма и реакции была политическая отсталость, инертность близких к народным крестьянским массам местных людей, объединявшихся вокруг земского дела, поднявшихся до отстаивания интересов устройства местной жизни (местного дорожного строительства, земской школы, врачебно-санитарного дела, агрономии, кооперативного движения), защиты их от произвола и подавления со стороны бюрократического строя. Эти местные силы нужно было из опоры самодержавия сделать силой, борющейся с ним. Именно это осуществлялось в то время путём мобилизации аморфных групп, не способных примкнуть к более решительным революционным течениям. Помочь этим группам усвоить уроки борьбы за политическую свободу, закрепить их отход от самодержавного строя — таково было то реальное дело, которое делалось в то время в 1-й Государственной думе Партией народной свободы.

По своей земской деятельности я лично знал наиболее искренних, честных и демократически настроенных людей из кадетской партии, таких, как М. М. Винавер и Дмитрий Иванович Шаховской.

Ещё до открытия заседаний Государственной думы состоялся ряд заседаний фракции кадетов. К ней примкнули представители «национальных меньшинств» (татарского народа Казанской губернии, Крыма, украинцы и другие). Между прочим, вспоминается случай, показывающий, как обострённо было стремление к национальному равноправию и как чутко реагировали представители малых народов на подчас бессознательное третигование высококультурными представителями великорусского народа сограждан иной национальной принадлежности. Это было на первом со-

¹ Кокошкин Фёдор Фёдорович (1871–1918) — юрист, публицист, редактор газеты «Новь»; преподаватель Московского университета. В 1917 государственный контролёр Временного правительства. Убит анархистами.

² Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931) — юрист, профессор Петербургского университета. Один из редакторов журналов «Право» и «Вестник права». На II съезде кадетской партии избран в ЦК. В 1918 эмигрировал в Польшу, был профессором Варшавского университета.

³ Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) — присяжный поверенный; председатель гражданского отделения Юридического общества; член ЦК кадетской партии, депутат 1-й Государственной думы.

брании фракции кадетов, на котором собралось уже более сотни членов Думы. Временно председательствовал старейший по возрасту Иван Ильич Петрункевич. Ф. И. Родичев, характеризуя в своём выступлении реакционные действия правительства, назвал их «татарщиной». Вслед за речью Родичева слово попросил один из членов Думы от Казанской губернии. Он, как и его соплеменники, был в национальном костюме. Поднявшись, он прочитал на французском языке протест против допущенного Родичевым оскорбления татарского народа: «Je regrette profondément que le nom de notre nation prononcé ici dans une épithète si malheureuse, si odieuse».

До открытия Государственной думы оставалось немного дней. Шла напряжённейшая работа по организации и подготовке выступлений членов фракций. В составе кадетской фракции было значительное число представителей земств, в том числе, между прочим, известный организатор секции общественной медицины на Пироговских съездах врачей Василий Иванович Долженков¹. Многие знали меня по участию в земских съездах и по работе в земствах Петербургской, Вологодской и Костромской губерний. При избрании бюро фракции, оказавшейся в Думе самой многочисленной, я был избран секретарём². Мне пришлось вести очень большую организационную работу по подготовке и созыву собраний фракции, по записи вновь вступивших во фракцию членов и пр. В то же время в качестве секретаря фракции я в составе её президиума постоянно участвовал в выработке проектов всех её предложений и формул перехода к очередным делам, вносимых фракцией на рассмотрение Государственной думы, а также проектов постановлений. На меня было возложено ведение переговоров и согласование общих выступлений в Думе с партиями трудовиков и социал-демократов. Нужно сказать, что депутаты от польских губерний организовались в отдельную думскую фракцию «представителей Польши». С этой фракцией мне пришлось довольно часто встречаться, чаще всего — по их инициативе, реже — по поручению нашей фракции.

Первым делом, требующим согласования, был вопрос о президиуме Думы. Весьма нелегко было добиться единодушия по кандидатурам заместителей председателя и секретарей. По обнародованному правительством порядку открытие Думы должно было начаться 27 апреля 1906 г. слушанием «тронной речи» царя, и только после этого Дума должна была приступить к выборам председателя и всего президиума. Вместо того чтобы самому царю прибыть в Государственную думу и прочитать там свою речь, каждый из членов Госдумы получил именное приглашение явиться в Зимний дворец для слушания «тронной речи». В указанный час я пришёл ко входу с набережной в Зимний. После тщательной проверки документов с подчёркнутым внешним почтением члены Думы собрались в зале нижнего этажа, а затем в сопровождении придворных чинов проведены в большой зал для торжественных царских приёмов. Очевидно, не случайно, а с расчётом показать

¹ Долженков Василий Иванович (1842–1918) — организатор секции общественной медицины на Пироговских съездах врачей; земский и общественный деятель, лидер кадетов в Курской губернии.

² Вопросы истории. 1990. № 5. С. 103–104.

мощь царской власти и её опоры — воинской силы, нас провели через анфиладу залов, где происходили упражнения под командой великих князей отборных дворцовых и гвардейских воинских команд. Бряцание оружия, блеск и лязг шашек под громкие команды офицеров, не обращавших никакого внимания на проходивших «народных избранников», должны были вызвать у членов Думы чувство бессилия перед монаршей властью.

В Тронном зале для членов Госдумы были отведены места слева от царского трона; справа стояли члены Государственного совета в раззолоченных парадных мундирах с лентами и орденами; за ними размещался Сенат, а впереди, у трона, густой толпой собрались придворные чины и министры. Члены Государственной думы были в обычной гражданской одежде: украинские крестьяне — в свитках и поддёвках с поясами, иные депутаты от национальных групп — в своих традиционных одеждах. Немногочисленные депутаты от «рабочей курии» и многие другие были просто в пиджаках. Но были среди депутатов Думы и те, кто имели придворные чины. Они явились в соответствующих мундирах. Придворные дамы различных рангов были в парадных туалетах с открытыми плечами и шеей. Среди них было немало пожилых. Стоявшие близ меня депутаты — трудовики, крестьяне, с которыми я уже успел познакомиться на заседаниях фракции, не без любопытства смотрели на придворных в раззолоченных костюмах и, не стесняясь, делились впечатлениями. Высокий украинец говорил своему соседу: «Дивись, яка гладка! Не на наши гроши таки годовани...». Вызывали удивление выхоленные плечи и шеи женщин. О них говорили: «Гладкие, як годованние свині».

В проходе между членами Государственной думы и членами Государственного совета, сопровождаемый придворными чинами разных степеней, несшими царские регалии, шёл Николай II в военной форме и императрица — молодая, стройная дама. Николай, казалось, ни на кого не смотрел, взор его был направлен вперёд, в свободное пространство. Поднявшись по ступенькам к трону, он принял и надел на голову поданную ему корону, сел, взял из рук министра свиток пергамента, развернул его и с разученными приёмами декламации прочитал свою тронную бессодержательную речь, выпячивая всюду собственное «я» и сделав особое ударение на «лучших людей». «Я собрал вас, лучших людей...» и т. д. В момент, когда он закончил последние слова «Да поможет Господь мне и вам!», — грянули с хор оркестры и раздалось «Ура!» среди придворных, правительства и членов Государственного совета; стоявшие же слева депутаты Государственной думы сохраняли безмолвие. Оркестры не прекращали заполнять весь зал оглушительными звуками в предупреждение, как мне казалось, на всякий случай, каких бы то ни было попыток ответа на тронную речь.

Выйдя из дворца, члены Думы спустились с невольной набережной на подготовленные речные пароходы и направились по реке к Таврическому дворцу. Был яркий солнечный день. Необычно ранняя, тёплая весна уже одела в свежую зелень Летний сад. На набережных были видны толпы народа, приветствовавшие делегатов Государственной думы. Но вот пароход прошёл под Литейным мостом и, держась ближе к Арсенальной набережной, поплыл мимо Центральной Выборгской тюрьмы, где томились политические заключённые. Через решётки во всех окнах простирались руки.

Заключённые махали платками. Неслись сотни голосов: «Амнистию! Амнистию!». Этот же возглас доносился и с набережной, где собирались всё увеличивавшиеся группы народа, местами стоявшие плотной стеной.

Пароход подошёл к специально устроенной пристани у Потёмкинской улицы. Густые цепи собравшихся петербуржцев громко приветствовали членов Государственной думы, подносили им букеты цветов, раздавались не смолкавшие возгласы «Амнистию!». Трудно было двигаться в плотной толпе возбуждённых людей, теснивших нас со всех сторон. Невыносимо было сознавать, что мы являемся участниками торжества открытия первого в России парламента — Думы, в то время как те, чьими усилиями и самоотверженной борьбой было достигнуто самое рождение этой Думы, сидят за решёткой, изнывают в тюрьмах, несут судебные кары, либо отбывают ссылку за свою деятельность, которая теперь уже перестала быть противозаконной, т. к. она была направлена на завоевание того, что стало новым законом.

Мы вошли во двор Таврического дворца, заполненного всякого рода стражей: военной, полицейской и новыми думскими сторожами. Из вестибюля депутаты, как новые хозяева, разошлись по многочисленным залам дворца. В одном из верхних залов собралась наша многолюдная кадетская фракция. Обсуждался порядок предстоящего первого заседания. По регламенту (повестке) оно ограничивалось только открытием и выбором председателя. Сам собою возник вопрос о том, чтобы Дума в первом же заседании провела закон об амнистии. Но все юристы, включая С. А. Муромцева¹, разъяснили, что, прежде всего, должны быть проведены выборы председателя. Только в следующем заседании можно избрать комиссию по выработке в порядке думской инициативы законопроекта об амнистии. С точки зрения закона о Госдуме и парламентской процедуре это было убедительно. Но в то же время было совершенно ясно, что Дума должна единодушно откликнуться на всеобщее ожидание амнистии, что население будет возмущено её равнодушием ко всеобщему его требованию.

После убедительных, спокойных разъяснений таких авторитетных юристов, как Ф. Ф. Кокошкин, В. Д. Набоков², С. А. Котляревский³ и, наконец, сам С. А. Муромцев, исход предстоящего голосования казался предрешённым в смысле переноса обсуждения вопроса об амнистии до начала нормальной работы Госдумы. Но у меня было совершенно твёрдое сознание недопустимости для Думы не откликнуться сразу на требование об амнистии. Мне всегда было трудно решиться говорить в большом собрании, но тут во мне говорило чувство долга, поэтому при всём понимании необходимости соблюдать процедурные рамки, уже после того, как решено

¹ Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) — юрист, публицист, земский деятель, профессор Московского университета. Один из лидеров кадетов.

² Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) — профессор, юрист, публицист, член ЦК кадетской партии; редактор-издатель «Вестника партии народной свободы» и др. изданий. В 1917 — управляющий делами Временного правительства, после Октябрьской революции эмигрант.

³ Котляревский Сергей Андреевич (1873–1940) — профессор, публицист, член ЦК кадетской партии.

было перейти к голосованию, я настойчиво попросил слова и со всею твёрдостью, на какую был способен, выразил убеждение, что, невзирая на всю вескость юридических соображений, мы должны найти форму для выражения своего единства с населением в требовании народной совести. В книге М. М. Винавера о 1-й Госдуме отмечен этот момент, когда под влиянием выступления самого молодого из членов партии кадетов (моего) уже решённый вопрос был перерешён. И. И. Петрункевичу, как старейшему члену Государственной думы, было поручено взять слово до начала выборов председателя и заявить, что голос народной совести об амнистии громко звучит и Дума его разделяет.

Звонки во всех залах Таврического дворца возвестили об открытии заседания Думы. Ложи правительства были заполнены целиком. По поручению императора Николая II председатель Государственного совета прочёл указ об открытии Думы и предложил приступить к подаче записок по выборам её председателя. Им единогласно был избран С. А. Муромцев. Когда он поднялся на председательское место, с ораторской трибуны раздалась звучавшая глубокой искренностью речь Петрункевича: «Первым словом, которое должно прозвучать с этой трибуны, должно быть выражение голоса всего народа об амнистии!». Весь зал огласился возгласами «Амнистия!», несшимися со всех сторон.

Когда смолкли эти клики, С. А. Муромцев спокойным, но властным голосом предложил думским приставам очистить места и проходы от посторонних лиц. Такими посторонними лицами были высокие чиновные «особы», всякого рода сановники, которых приставы не осмеливались беспокоить. Теперь они были вынуждены подчиниться требованию председателя. Слово Муромцева было глубоко продумано. «Кланяюсь Государственной думе...», — начал он свою речь. Строго взвешивая каждое слово, он обещал хранить и отстаивать достоинство, авторитет и права Думы, развивать её полномочия, вытекающие из её природы, как представительного органа, ответственного перед избирателями, блюсти законные права каждого депутата. Трудно представить себе лучшего, более справедливого, более спокойного, выдержанного и авторитетного председателя, чем С. А. Муромцев. Среди взволнованного моря речей, кипевших страстными обличениями правительства, его произвола и беззаконий, среди бурного выплеска требований о его отставке, гневных взаимных обвинений впервые встретившихся лицом к лицу враждебных социально-политических групп и партий он возвышался, как невозмутимый, твёрдый кормчий, умевший сохранять правильный курс. С момента избрания председателем Муромцев устранился от участия в жизни кадетской партии, вышел из фракции, чтобы полнее представлять всю Думу и исключить поводы к каким бы то ни было обвинениям в неодинаковом отношении и внимании ко всем членам Думы и их группировкам.

После окончательного оформления президиума ряд заседаний был посвящён составлению и принятию ответа на «тронную речь» царя. Государственная дума ответила развёрнутой программой неотложных, коренных законодательных работ, которые она ставила перед собой: установление законов о правах граждан, о неприкосновенности личности, о свободе слова и печати, о праве на проведение собраний, о неотложном принятии

закона о земельной реформе, пересмотре бюджета. Это была трудная задача — выработать такую программу, которая могла бы быть принятой большинством.

После многих дней общих прений была выбрана комиссия с пропорциональным представительством в ней фракций, для составления ответа царю. В её состав входил и я. Несмотря на срочность работы по окончательному согласованию единой редакции ответа, у нас уходило очень много времени на обсуждение поправок и предлагаемых новых вариантов. В последнем заседании комиссии окончательное редактирование ответа было поручено В. Д. Набокову, мне и представителю трудовиков И. В. Жилкину¹. Просидев над этой работой всю ночь, ранним утром мы отдали её в печать. Главную работу по редактированию выполнил В. Д. Набоков. Он был блестящим мастером слова и опытным редактором, который в течение многих лет вёл вместе с И. В. Гессеном² влиятельный прогрессивный общественно-юридический журнал «Право».

Было раннее тёплое утро, когда мы выходили, закончив эту работу, из Таврического дворца. Набоков предложил не расходиться, а проехать в Сестрорецк, чтобы освежиться морским купанием.

Общее собрание Думы приняло согласованный ответ на тронную речь и избрало особую комиссию, которая должна была передать этот ответ по назначению. Прошло немало дней, пока в президиум Думы поступил ответ на его запрос о назначении даты передачи документа. Ответ был крайне негативный. В нём указывалось, что постановление Госдумы должно направляться через соответственные правительственные учреждения. Когда председатель огласил этот ответ, то, по предложению Набокова, было принято решение, в котором отмечалось, что значение принимаемых Думой документов заключается в особой важности их содержания, а не в способе их передачи адресатам. После этого Дума перешла к очередным делам.

К этому времени в Государственной думе уже широко развернулась работа многочисленных комиссий. Инициатором большинства законопроектов была кадетская фракция, поскольку в её рядах находилось наибольшее число депутатов, подготовленных для законотворческой работы. Если в парламентах других стран всю подготовительную работу обычно ведут министерские чиновники, то у нас при вполне обрисовавшейся обструкции со стороны правительства вся черновая работа легла на плечи самих депутатов. Работы было так много, что мы не имели отдыха; приходилось есть на ходу и систематически недосыпать.

¹ Жилкин Иван Васильевич (1874–1958) — сотрудник ряда петербургских газет. Депутат 1-й Государственной думы от Саратова, член ЦК трудовой группы. Осуждён за подписание Выборгского воззвания. После освобождения отошёл от политической деятельности, занимался журналистикой. После Октябрьской революции — в руководстве Союза писателей, сотрудник различных культурно-просветительских учреждений.

² Гессен Иосиф Владимирович (1866–1943) — публицист, адвокат, один из основателей кадетской партии, бессменный член её ЦК. Редактировал издания «Народная свобода», «Речь», «Право». После Октябрьской революции — в эмиграции. С 1921 издавал «Архив русской революции».

Наиболее многолюдной была выбранная Думой с пропорциональным представительством фракций комиссия по решению земельного вопроса, работавшая под председательством М. Я. Герценштейна¹. Я был избран в эту комиссию так же, как до этого — в комиссию по подготовке законопроекта об органах местного самоуправления², в комиссию по рассмотрению законопроекта о собраниях.

Основным вопросом, обсуждавшимся в Думе, был вопрос о земельной реформе. Ещё до постановки его в повестку дня правительство направило депутатам специальное сообщение о невозможности проведения земельной реформы за счёт частных владений. В ответ на это Дума приняла декларацию, в которой подтвердила своё намерение добиться принудительного отчуждения земель в пользу малоземельных крестьян. Тем самым окончательно определилась несовместимость позиций правительства и высшего представительного органа по этому коренному вопросу. Дума стремилась к подлинному ограничению самодержавия и справедливому, действительному решению аграрной проблемы. А правящая верхушка рассчитывала обойтись одной только видимостью земельной реформы.

Прения по аграрному вопросу были чрезвычайно бурными и затянулись почти на три недели. Своё мнение высказали свыше 150 ораторов. Существовало два основных проекта аграрной реформы: нашей фракции — «записка 42-х» и фракции трудовиков — «записка 104-х». И в том, и в другом проекте предлагалось создать земельный фонд. Но кадетская фракция выступала за сохранение права собственности на землю, за выкуп её по справедливой оценке и наделение ею крестьян в пределах продовольственной нормы, а трудовики, следуя лозунгу «вся земля всему народу», предлагали наделить крестьян землёю по трудовой норме, а решение вопроса о размерах и условиях оплаты за отчуждение частновладельческих, удельных, казённых, монастырских и прочих владений предоставить самому народу на местах.

Третий проект был предложен самой крайней левой группой депутатов, из представителей социалистических партий. В первом параграфе их «записки 33-х» провозглашалось: «Всякая частная собственность на землю в пределах Российского государства отныне совершенно уничтожается». На заседании Думы 8 июня я выступил с критикой этого проекта и высказался против передачи его на рассмотрение аграрной комиссии. Я считал, что приведённое выше заявление левых послужило бы во вред земельной реформе, т. к. могло запугать население, вызвать в нём страх, что у него отнимут ту землю, которой он располагает, а дадут ли ещё новую, на каких условиях, в каком количестве и какую — это ещё вопрос. В проектах же «42-х» и «104-х» говорилось, что «не только надельные земли, но и купчие

¹ Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) — юрист, профессор политической экономии; гласный Московской городской думы, один из авторов программы кадетской партии.

² Опыт своей работы в земствах и изучения проблемы местного самоуправления Френкель обобщил в книге «Волостное самоуправление». В 1999 в связи с реформой местного самоуправления книга была переиздана по заказу Министерства региональной политики РФ.

земли, которыми крестьяне владеют в пределах трудовой нормы, останутся на условиях такого же владения, как и теперь, в полной неприкосновенности». И мы, кадеты, и трудовики, говоря об отчуждении земель, имели в виду только латифундии, только земельную собственность, превышающую известный максимум земельного владения, такую земельную собственность, которая служит в руках её теперешних владельцев орудием закабаления крестьян, а не орудием поднятия сельскохозяйственной культуры¹.

Кроме меня, с критикой проекта «33-х» выступили ещё несколько членов кадетской партии и, в конце концов, он был отвергнут огромным, подавляющим большинством Думы².

Помимо перечисленных выше, я состоял членом таких постоянных думских комиссий, как комиссия по контролю за выполнением государственного бюджета, по предварительному рассмотрению вносимых Думой запросов и по организации библиотеки для обслуживания депутатов справочными и другими источниками и материалами. Библиотечная комиссия была очень немногочисленна. А дело предстояло нелёгкое: в самый короткий срок не только оборудовать залы для библиотечного фонда и для работы депутатов, но и приобрести все необходимые законодательные, справочные и статистические издания, энциклопедии и пр. Председателем комиссии был М. М. Ковалевский³, я же нёс секретарские обязанности. Каждый день утром и в часы перерывов в думских заседаниях я старался быть в библиотечной комиссии, чтобы ускорить работу по заполнению штата платных сотрудников, для изучения заявок на книги и материалы от разных комиссий и отдельных депутатов, для составления списков изданий, подлежащих закупке. Днём обязательно заходил на часок-другой Ковалевский. Меня поражала его изумительная память и знание всякого рода материалов не только по экономической истории, но и по статистике, географии, земельному вопросу и пр. То, что у меня отняло бы целые часы на справки в энциклопедиях и библиографических справочниках, он просто перечислял по памяти с указанием года издания, и тут же давал дополнительные советы

¹ Полный текст выступления З. Г. Френкеля см.: Государственная дума. Состыз I. Сессия I. Стенографич. отчёты. СПб. 1906. Т. 2. Стб. 1145–1146.

² В работе В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» в разделе «Кадеты» говорится: «Итак, кадеты против какой бы то ни было формы общественного пользования землёй, против безвозмездного отчуждения, против местных земельных комитетов с преобладанием крестьян, против революции вообще и особенно против крестьянской аграрной революции»; «Особенно значительны в этом отношении прения в 1-й Думе по вопросу о направлении аграрного проекта 33-х (об отмене частной собственности на землю). Кадеты (Петрункевич, Муханов, Шаховской, Френкель, Овчинников, Долгоруков, Кокошкин) бешено нападали на передачу *такого* проекта в комиссию... кадеты и правые 140 голосами против 78 провалили сдачу проекта в комиссию» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 358–359).

³ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — правовед и историк, социолог эволюционистского направления, профессор Московского и Петербургского университетов; академик (1914); издатель журналов «Вестник Европы», «Запросы жизни», газеты «Страна». Один из создателей Партии демократических реформ.

на какие источники по данному вопросу следует рекомендовать обратиться особое внимание. Всё это он делал без всяких передышек, сразу, не теряя времени, невзирая на своё постоянно затруднённое дыхание и несколько отяжелевшие от полноты движения. Работать с ним было легко и приятно, т. к. он вкладывал самый живой интерес во все возникавшие вопросы и проявлял энциклопедическую осведомлённость.

Как секретарь думской фракции, я составлял печатавшиеся в «Вестнике партии народной свободы» еженедельные обзоры деятельности фракции в Думе, в её общих собраниях и во всех комиссиях. Чем негативнее становилось отношение правительственных кругов, особенно правящей верхушки, к Государственной думе, чем враждебнее и непримиримее отвечало правительство на все её запросы по поводу царившего в стране административного произвола и незаконных действий властей, чем грубее и отрицательнее относилось оно к законодательной думской инициативе, тем яснее и настоятельнее становилась задача укрепления связи фракций с населением, поднятия его интереса к работе Думы. Необходимо было добиваться одобрения народом выдвигаемых Думой требований законодательного разрешения земельного вопроса, признания законов о равноправии и о правах граждан.

Многие депутаты выехали в свои избирательные округа, чтобы сделать доклады своим избирателям о требованиях Думы и о затруднениях, которые она встречает в своей деятельности. Я и мои товарищи — депутаты от Костромской губернии сразу же после открытия Думы начали поддерживать общение и связь с жителями Костромы и других городов губернии¹, приезжавшими в Петербург или жившими в столице на заработках. Потом мы поместили в газетах письмо с обращением к костромичам. Указывая в нём свой адрес, мы сообщали, что каждое воскресенье с 4-х до 7-ми часов вечера мы даём отчёт о своей работе в Думе и подробно знакомим с намечаемыми планами. В Петербурге жило очень много костромичей, среди них сезонные рабочие — паркетчики, плотники, строители, ремесленники-шапочники и др. Уже в первое воскресенье после опубликования нашего письма в газетах на нашу квартиру явилось несколько десятков земляков. Беседа с ними носила очень оживлённый характер. Положение в Думе вызывало большой интерес. Из-за крайней тесноты мы перенесли место встречи с земляками в обширное помещение районного клуба на 6-й Рождественской улице. И это помещение оказалось совершенно переполненным. Это было уже в июне. Я сделал подробный вступительный обзор деятельности Думы за май и начало июня. Последовали многочисленные вопросы и наши разъяснения. В конце состоялись очень толковые высту-

¹ Из материалов Департамента полиции следует, что, получив 6 июля 1906 телеграмму из Кинешмы о возможности учинения там погрома, депутаты от Костромы Огородников, Сафонов, Френкель, Замыслов немедленно известили об этом председателя Совета министров Столыпина. К чести последнего тот в тот же день направил телеграмму костромскому губернатору с требованием принятия самых энергичных мер подавления бесчинств в самом их начале. (ГАРФ. ДП. Ф. 102. Д.О.О. 1906. Оп. 236. Д. 550. Т. 2. Д. 34).

пления костромичей, одобряющих требования и предложения Государственной думы. Явившейся полиции мы заявили, что это вполне законное общение членов Думы со своими избирателями. Отчёт об этих собраниях я поместил в газете «Речь». Однако, когда в следующее воскресенье граждан собралось ещё больше, так что они не смогли поместиться в зале и стояли у открытых окон (зал помещался в первом этаже), совершенно неожиданно, без предупреждения, появились конные жандармы и разогнали всех собравшихся. Нас, депутатов, не тронули, но и не обращали внимания на все наши протесты против незаконных и произвольных действий жандармов. Так оборвалась в Петербурге удачно развивавшаяся попытка мирного общения избирателей со своими посланниками в парламент.

На местах, в далёких от столицы губерниях, дело заканчивалось далеко не так безобидно. Так, в Умани Киевской губернии приехавший из Петербурга депутат Думы — врач по профессии — был арестован во время своего доклада о работе законодателей. Он оставался в тюрьме до роспуска Госдумы, а затем оказался в ссылке в Восточной Сибири и только после Октябрьской революции смог вернуться к своей медицинской работе.

Перед лицом всё более наглядного бессилия Думы у некоторых провинциальных депутатов зарождались чисто обывательские настроения: а нельзя ли помочь делу непосредственным обращением за помощью к самому Николаю II? Говорили, что председатель Думы Муромцев имеет право личного доклада царю и при первом (и единственном!) своём докладе произвёл на Николая II благоприятное впечатление. Как-то рано утром в июне я прогуливался в Таврическом саду. Я не заметил, что по дорожке, ведущей в Таврический дворец, направлялся своей медлительной походкой наш председатель. В тот момент, когда я остановился, здороваясь с ним, подошёл, очевидно, лично знакомый с ним один из членов Думы из Поволжья.

«Сергей Андреевич, — без всяких предисловий обратился он к Муромцеву, — простите, но меня волнует вопрос, — почему Вы не используете своего права личного доклада царю? Может быть, Вы повлияли бы...»

Как всегда невозмутимый, Сергей Андреевич спокойно и не торопясь ответил: «Но, позвольте, допустим, что я получил бы аудиенцию на десять-пятнадцать минут... А придворное окружение, враждебное Думе, воздействует на такого же, как они сами, Николая всё время, все дни. Какое же значение могло бы иметь моё мимолётное воздействие?» Этот ответ был дан с полной серьёзностью, и Сергей Андреевич продолжил свой путь.

7 июля заседание фракции в Государственной думе затянулось до поздней ночи. Когда я проходил по Кировной улице и вышел на Литейный проспект, моё внимание было привлечено необычным движением войск. Непрерывной цепью двигались пехота и артиллерия в направлении к Таврическому саду. Когда я проходил через Марсово поле, чтобы пройти по Троицкому мосту и попасть в Денежный переулочек, где мы жили в то лето, я видел, как войска шли в Павловские казармы. У меня невольно возникла мысль: не к добру так спешно вызваны из лагерей войска. Очевидно было, что правительство что-то замышляет.

Белая петербургская ночь сменилась свежестью раннего утра, когда я входил в свою квартиру. Я рассказал открывшей мне входную дверь жене

о зловещем ночном передвижении войск. Учитывая всю обстановку, сложившуюся в отношениях столыпинского правительства с Государственной думой, мы не сомневались, что вызов войск в Петербург связан с решительными действиями правящих кругов против избранной народом законодательной власти. Вышедшие утром газеты подтвердили наши опасения. Указом правительства Дума была распущена с нарушением закона о ней. Срока новых выборов назначено не было.

Строго говоря, в конституциях большинства стран предусматривается право роспуска парламента верховной властью, так что ничего из ряда вон выходящего в этом не было. Но в России в 1906 г. Дума, рождённая революционными событиями 1905 г., только-только приступила к созданию самих основ конституционного строя! Поэтому преждевременный её роспуск означал возвращение к самодержавию и, следовательно, к дальнейшему нарастанию революционной борьбы. Вот почему роспуск 1-й Думы для партии кадетов, выступавшей против революционных мер в достижении демократических свобод и за эволюционный путь развития государства, имел особое значение, требовавшее принятия неотложных мер.

Я отправился в Таврический дворец. Ворота и калитки во двор Государственной думы были заперты и охранялись военными часовыми. Во дворе стояли орудия. Стража заявила, что приказано никого не пропускать во двор. Я встретил на улице нескольких коллег-депутатов, находившихся в таком же недоумённом состоянии, как и я. Посетив на дому некоторых членов президиума фракции, я узнал о намерении организовать сбор членов Думы для обсуждения создавшегося положения и вытекающих из него задач.

Часам к 11-ти было решено организовать обсуждение положения в обстановке, обеспечивающей возможность всестороннего его взвешивания без риска насильственного разгона собрания. Начались переговоры о возможности собраться членам Думы в Выборге. Мне, как секретарю фракции, было поручено договориться о том, чтобы собрание в Финляндии провести совместно с фракцией трудовиков.

Было около часа дня. Вместе с П. Н. Милюковым¹ мы отправились в бюро фракции трудовиков. Мы ехали по довольно пустынным улицам, сохранявшим полное спокойствие. Павел Николаевич с укоризной в голосе посетовал на поразительное равнодушие населения к происходящему:

— Сами камни мостовых на парижских улицах уже устремлялись бы на баррикады. Люди собирались бы, шумели, действовали бы, чтобы отстоять добытую борьбой свободу!

Не так скоро сговорились между собою трудовики. Получив от них сообщение о согласии их ехать в Выборг, мы вернулись на совещание нашей фракции, где уже рассматривались первоначальные проекты общего постановления собрания членов Государственной думы. Высказывались самые различные точки зрения: от предложения «составить эпитафию» по

¹ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, публицист. Один из организаторов партии кадетов, член её ЦК. Редактор газеты «Речь». В 1917 — министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции — эмигрант.

поводу кончины Думы (депутат Гредескул¹) до призыва не подчиняться указу о роспуске и продолжать работать и даже умереть, если Думу будут разгонять штыками (депутат Долженков). Однако П. Н. Милюков охладил страсти своим заявлением о том, что кадеты — не революционеры, а члены оппозиционной парламентской партии, поэтому должны подчиниться указу монарха и готовиться к новым выборам. Общее постановление собрания членов Думы выработать так и не удалось.

Тем временем пришло сообщение о согласии предоставить помещение для совещания в Выборге. Нужно было немедленно выезжать. Президиум фракции признал необходимым по избежание возможного задержания на Финляндском вокзале, чтобы С. А. Муромцев, слишком хорошо всем известный по внешности, отправился бы не с указанного вокзала, а проехал бы на извозчике до одной из загородных станций. Мне пришлось передать эту просьбу Сергею Андреевичу. Я застал его дома в его кабинете. Он с обычным своим спокойствием кратко ответил:

— Так, а, ведь, может быть, было бы сейчас нужно, чтобы я был убит или схвачен?

По-видимому, в этом высказанном вскользь замечании отразилось раздумье председателя Думы о том, как, какими действиями могло бы быть разбужено общественное, действенное, активное отношение к насильственному разгону Государственной думы.

На следующий день в большом зале Выборгской гостиницы начались совещания всех приехавших членов Думы. По единодушной просьбе председательствовал Муромцев. Рядом с ним заняли места Ф. Ф. Кокошкин, князь Д. И. Шаховской и князь Пётр Дмитриевич Долгоруков². В большой тесноте и давке трудно было с полным вниманием относиться к происходящим дебатам. Казалось, что многие речи в сложившейся обстановке были излишни. Бессилие Государственной думы перед насильственным разгоном было очевидным. Ясно было и отсутствие активной поддержки со стороны населения, полное отсутствие надежды на организованный отпор общественных сил правительству. Но в то же время совершенно несомненными были необходимость и долг членов Думы осудить и заклеймить действия правительства как беззаконие и произвол и призвать население не оказывать поддержку такой власти. Это, в конце концов, и было сделано. Единодушно было принято и подписано собравшимися депутатами, составлявшими преобладающее большинство всего состава Думы, обращение к населению, вошедшее в историю как «Выборгское воззвание», за которое все его подписавшие — более двухсот депутатов — были осуждены и понесли кару в виде тюремного заключения и потери политических прав.

Заседание кончилось поздно ночью. К утру был изготовлен экземпляр воззвания для подписи. Кроме профессора С. А. Котляревского, который

¹ Гредескул Николай Андреевич (1864–1930) — юрист, член ЦК кадетской партии; профессор петербургского Политехнического института. После Октябрьской революции преподавал в ленинградских вузах.

² Долгоруков Петр Дмитриевич (1866–1945) — земский деятель. Один из лидеров «Союза земцев-конституционалистов». Член ЦК кадетской партии.

никак не мог преодолеть мучивших его юридических сомнений с точки зрения государственного права, и ещё кое-кого из представителей местных «лучших людей», все члены Думы, приехавшие в Выборг, поставили собственноручно подписи под этим обращением, взывавшим лишить доверия и поддержки правительство, незаконно разогнавшее выборный орган, до тех пор, пока не будет выполнен закон о созыве новой Государственной думы.

Возвращаться в Петербург решено было не поодиночке, а всем вместе, организованно. Для этого отъезд отложили до следующего дня. Подлинная причина задержки не могла тогда быть разъяснена. А она состояла в следующем. Прибывшие из Петербурга представители социал-демократического комитета сообщили, что в столице готовится манифестация встречи на Финляндском вокзале возвращающихся депутатов Думы под лозунгами об отмене указа о её разгоне. Потому-то и необходимо было прибыть на Финляндский вокзал не разрозненно, а в значительном составе, представляющем президиум Думы и её влиятельные фракции. Один из приехавших внедумских авторитетных социал-демократов доверительно сообщил, что к прибытию поезда придёт не менее 40 тысяч рабочих Шлиссельбургского тракта. Поскольку парламентские средства защиты парламентского строя и прав Государственной думы были уже исчерпаны, то депутаты не должны были отнимать у внедумских сил возможности проявить поддержку народным избранникам.

Отъезд состоялся в конце следующего дня. Члены трёх подписавших «Выборгское воззвание» фракций (кадетов, трудовиков и социал-демократов) проявили выдержку и дисциплинированность. Раньше всех поспешили уехать только Котляревский и Михаил Стахович¹. Но, когда поезд точно в назначенный час прибыл в Петербург и члены Государственной думы вышли на платформу, там не было никаких признаков готовящейся встречи. Было только несколько больше, чем обычно, «стражей порядка». Построившись внушительной группой, мы вышли на совершенно пустую привокзальную площадь и медленно прошли по Симбирской и Нижегородской улицам. На последней я услышал единственный возглас приветствия Государственной думе из уст ехавшего в извозничьей пролётке земца В. В. Хижнякова. Но не успел он закончить возглас «Да здравствует Государственная дума!», как с двух сторон на пролётку вскочили откуда-то появившиеся охранники и куда-то увезли его. Члены Думы проследовали через Литейный мост и ввиду совершенного отсутствия каких бы то ни было признаков обещанной «внушительной мощи внедумских сил» мирно разошлись.

После возвращения из Выборга я пробыл в Петербурге ещё недели две. Было несколько совещаний членов нашей думской фракции. Одно из них, между прочим, было организовано в Териоках на даче, в лесу. Хотя место и час совещания держались в секрете, всё же на нём появился фотограф

¹ Стахович Михаил Александрович (1857–1915) — земский деятель, публицист, кадет, один из организаторов «Союза 17 октября», в дальнейшем член Государственного совета.

Булла, которого некоторые подозревали в связях с охранкой. Он сделал для нас снимок, хранящийся у меня до сих пор. Теперь он уже стал подлинно историческим.

Вернувшись в Кострому, я продолжал вести активную работу в местной ячейке кадетской партии, а в октябре 1906 г. был кооптирован в состав её ЦК.

Вынужденный в течение некоторого времени оставаться дома, так как формально, по требованию губернатора, управа не могла считать меня земским служащим, я усиленно занимался подготовкой к печати текущих выпусков «Врачебно-санитарного обозрения Костромской губернии». В то же время с большим интересом и вниманием я собирал и изучал все доступные материалы о холерной эпидемии, принявшей в то время исключительно большой размах в Петербурге. Насколько это было возможно в Костроме, я изучал также исторические материалы о холерных эпидемиях в России с 1829 г. Среди появившейся в то время литературы о холере особенно выделялась общественно-гигиеническим направлением чрезвычайно талантливо написанная книга Н. Ф. Гамалеи¹.

...В 1907 г. я за подписание «Выборгского воззвания» вместе с другими членами 1-й Государственной думы был приговорён Особым присутствием Санкт-Петербургской судебной палаты к четырёхмесячному заключению в тюрьме.

Эти четыре месяца — с июня по сентябрь 1908 г. — тянулись нескончаемо долго, и в моей памяти этот, казалось бы, такой короткий срок встаёт как долгая, томительная пора жизни².

Получив повестки о явке в определённый день в Костромское полицейское управление, мы, четыре члена 1-й Думы, подписавшие воззвание: Пётр Алексеевич Сафонов, Иван Васильевич Замыслов, Николай Александрович Огородников и я, пришли и, по выполнении ряда формальностей, были оттуда отправлены под конвоем городских и отряда конных жандармов пешком по центральной улице в находившуюся на окраине горо-

¹ Гамалея Николай Федорович (1859–1949) — микробиолог, почётный член АН СССР, академик АМН СССР. Открыл бактериолизины, возбудителя холеры птиц, значение дезинсекции для ликвидации сыпного и возвратного тифов.

² 9 июня 1908 г. начальник Костромского губернского жандармского управления доносил об устроенном 13 мая в помещении костромского общественного клуба обеде в честь членов 1-й Думы, которым предстояло отсидеть несколько месяцев в тюрьме: «На банкете, в речи, обращённой к З. Г. Френкелю, было особенно подчеркнута желание костромичей видеть его опять на работе в Костромской губернии, т. к. он был отстранён по требованию администрации от должности заведующего санитарным отделением. Салфетки перед приборами Огородникова и Френкеля были продеты в серебряные массивные кольца с надписями». На кольце Захара Григорьевича было выгравировано: «У порога тюрьмы перед расплатой за мужественное исполнение долга. Члену 1-й Гос. думы З. Г. Френкелю от признательных костромичей». А на подаренном через день подстаканнике было написано: «В сочувствии Ваших друзей черпайте бодрость и веру в добро и людей! От санитарных друзей-сослуживцев. Кострома. 15 мая 1908 г.». Эти знаки внимания и поныне хранится у потомков Захария Григорьевича. (ГАРФ. ДП. Ф. 102. Дел-во 4. Оп. 117. Д. 136. Л. 8).

да тюрьму. Весть о том, что в тюрьму ведут очень популярных в то время в городе бывших членов 1-й Думы, каким-то образом разнеслась повсюду, и улица была совершенно запружена народом. Раздавались дружеские приветствия, трогательные ободрения и пожелания здоровья. Через цепь конвоя нам бросали цветы. Среди приветствовавших нас мы видели крупные фигуры губернского предводителя дворянства П. В. Шулепникова и председателя губернской земской управы, его брата И. В. Шулепникова¹; были земские служащие, учительницы. Но была и густая толпа горожан, которых мы каждого лично не знали. О неожиданной, самопроизвольно возникшей демонстрации узнал губернатор А. П. Веретенников, являвшийся предводителем костромского отдела черносотенного «Союза русского народа», и по его распоряжению на улицу, по которой нас вели, прибыла казачья сотня, находившаяся в Костроме в связи с введённым в городе незадолго перед тем чрезвычайным положением. Этот слишком уж парадный эскорт замкнул наше шествие, когда мы подходили к тюрьме... За нами закрылись тюремные ворота. В тюремной конторе нас заставили снять с себя всю одежду, остригли и переодели в тюремные летние штаны, державшиеся на одной пуговице.

Нас поместили в одиночную камеру, в которой поставили четыре койки без матрацев, с голыми досками, без одеял. Свои постели нам взять не разрешили. Это было специальное издевательство над бывшими членами Государственной думы, изобретённое губернатором Веретенниковым, незабвенным инженером водопроводного дела и гласным Петербургской городской думы, человеком ничтожным и мелочно-мстительным, который для вящего нашего унижения приказал переодеть нас в одежду каторжан и лишить всех обычных тюремных послаблений, которые обычно предоставлялись политическим заключённым. При тесноте камеры воздуха в ней на четырёх человек не хватало. Рама была выставлена и унесена. Ночи в июне стояли холодные, и мы невыносимо страдали от холода. Обо всём этом нам удалось сообщить «на волю». По телеграфным требованиям некоторых горожан все злостные мучительства, измышлённые Веретенниковым, были вскоре отменены. Нам разрешили вернуть наше платье и получить из дома постель. Но до получения этого распоряжения из главного тюремного управления, куда была направлена наша жалоба, губернатор попытался доставить себе удовольствие видеть нас, членов Думы, в положении покорённых. В качестве победителя он в сопровождении «свиты» из тюремных надзирателей явился к нам в камеру. Обычная команда «встать!» прозвучала впустую. И без того мы стояли, каждый занятый своим обычным делом. Я штудировал увесистый том отчётов государственного контроля, приспособив его к довольно высоко расположенному какому-то случайному выступу на стене, другие делали гимнастику, согреваясь от холода. Никакого видимого эффекта появления самого начальника губернии не произвело. Он тоном великодушного

¹ Братья Иван Васильевич и Павел Васильевич Шулепниковы — общественные и земские деятели. По своим политическим взглядам примыкали к кадетам. В 1912 И. В. Шулепников был избран депутатом 4-й Гос думы.

победителя спросил, имеются ли у нас жалобы. В ответ Н. А. Огородников сказал: «timeo danaos et dona fereutes». На этом посещение губернатора и закончилось. Как потом передавал начальник тюрьмы, Веретенников хотел за этот ответ посадить Огородникова в карцер, но начальник тюрьмы, который по нашей жалобе в Главное тюремное управление уже получил приказ о возвращении нам платья и одеял, запросил это управление вновь, следует ли ему приводить в исполнение приказ о карцере, и получил ответ о ненужности этого.

Из костромской тюрьмы я отправил письмо Л. Н. Толстому по поводу его восьмидесятилетия. В нём я рассказал о том, что вечером того дня, когда мною была передана для отправки по телеграфу поздравительная записка, нам, отбывавшим современное рабство в тюрьме, пришлось пережить неизгладимую душевную боль от сцены приготовления к смертной казни, по-видимому, не без циничного умысла приведённой в исполнение именно 28 августа, в день юбилея писателя. Окно камеры приговорённого — рабочего Голубева, 36 лет, осуждённого, кажется, за нападение или убийство тюремного надзирателя, было единственным, которое можно было видеть из моей камеры. Он постоянно перекликался со мною. Три месяца, с 8 июня ожидал он приведения приговора в исполнение. «Душа его за это время, — писал я Льву Николаевичу, — раскрылась к любви и добру. Он искал внутреннего мира. Ни одной службы в тюремной церкви не пропускал он. С каким-то нездешним примирением и мягкостью стал относиться он ко всем: и к стражникам, и к арестантам. Каждое утро первыми звуками, будившими меня, были доносившиеся через всегда открытое окно моей камеры его приветливые пожелания и ободрения, которые он постоянно обращал ко мне, стараясь своим сочувствием и указанием на людскую неправду облегчить, как только мог, неприятности пребывания в тюрьме для членов первой «народной Думы». И мне было нестерпимо стыдно слушать от него это ободрение. По ночам его преследовали кошмары. Он часто во сне соскакивал со страшным криком с койки, бегал по камере, потом приходил в себя, и в тишине ночи я слышал, как он кричал ко мне, что ему делать, чтобы избавиться от кошмаров. Что мог я отвечать ему? С болью и жгучим стыдом слушал я, врач по профессии, его рассказы о самочувствии. Разумом я знал, что, в конце концов, приговор будет выполнен, но вся душа не способна была вместить эту мысль, это чувство. Когда он с удивительным мужеством говорил о предстоящем ему давлении, не знаю, в чём, — в тоне ли его голоса или в чём другом, — я ощущал, однако, у него твёрдую уверенность, что этого никогда не будет, этого не может быть.

И вот, поздно вечером, в то самое время, когда в городе в большом зале собралось, как мне теперь передают, более тысячи человек, чтобы чувствовать того, кто является украшением и живой совестью народа, чей голос только что смутил покой примирившихся с изо дня в день происходящими смертными казнями, наш тюремный двор наполнился вооружёнными людьми. Лязгнули железные запоры камеры Голубева. Вошедшее начальство велело ему поскорее собираться в путь, из которого не возвращаются. До меня доносилось каждое слово: «Зачем же вы меня мучили целых три

месяца?» — с плачущим упрёком простонал Голубев. И вслед за этим точно не его, а чей-то посторонний голос, скорее вопль, полный неизъяснимой тревоги, разорвал тишину ночи и проник в неведомые изгибы души каждому заключённому: «Товарищи, меня уже ведут!»

Лязг кандалов вот уже во дворе. Ведут мимо окон всех камер. Тюрьма, притихшая, точно вымершая, вдруг огласилась криками прощания из многих окон. Изумительна степень приспособляемости людей к своей профессии: чинно и спокойно большая компания людей всякого положения, начиная от обыкновенных русских крестьян, одетых в форму стражников и солдат, и кончая священником, доктором и помощником прокурора, берут с собой простого доброго человека Голубева, этого неозлобленного и с размягчённой душой человека, уведят его вместе с собою за город и там так же чинно, методически удавливают его. А в это время начальство тюрьмы чинило расправу с теми, кто осмелился крикнуть последнее «прощай» своему, аки агнец на заклание ведомому, товарищу по совместной жизни в тюрьме. Один ли, два ли только человека из всей камеры кричали “прощай”, — это по принятым в тюрьме порядкам — безразлично для тюремного начальства: вся камера (двадцать пять — тридцать человек) подвергаются экзекуции — переводятся на карцерное положение.

Смертная казнь нисколько не беспокоила душевной ясности стражи. «Не убивай, да не убиен будешь», — сказал мне в пояснение своего спокойствия один из стражников, совсем не дурной, обыкновенный деревенский человек. «Голубев убил, и правильно, что его повели убивать». А друга Голубева, молодого арестанта Ушакова, за то, что он крикнул через окно «прощай» тотчас же стража, по остроумной находчивости наказующего начальства, увела из общей камеры в ту одиночку, откуда только что вывели ещё не вышедшего со двора Голубева. И вот, как Ушаков объяснил утром, чтобы заглушить острую душевную боль от мысли, что он брошен на ещё тёплое ложе Голубева, физическим страданием, он зажигает на себе рубашку, и его нечеловеческие вопли и стоны от боли, вызванной ожогом, несутся из камеры Голубева, в то время как последний исповедуется в тюремной конторе у явившегося к нему священника.

Таковы впечатления, которых не забыть мне на всю жизнь, отравившие мне день Вашего юбилея, когда душа так полна была желанием уйти в себя, внутри себя искать царствия божия. 12-IX-1908 г.»¹.

До сих пор с нестёртой потоком времени болью обиды и унижения вспоминаю я ожидание свиданий (один раз в неделю через две решётки, между которыми ходил тюремный надзиратель) с женой и моими маленькими дочерьми, кричавшими мне радостные слова привета. Вспоминаю

¹ Письмо произвело большое впечатление на Л. Н. Толстого. В день его получения он прочитал его всем собравшимся за обеденным столом. Френкелю он ответил 7 ноября: «Пожалуйста, простите меня, уважаемый Захар (отчество не вставлено), за то, что не поблагодарил Вас за Ваше поздравление и хорошее содержательное письмо. Старость и нездоровье отчасти оправдывают меня. Поздравляю Вас с освобождением и желаю Вам всего хорошего» (Литературное наследство. М., 1939. Вып. 37–38. Ч. 2. С. 389–391).

«прогулки» под наблюдением стражи в небольшом тюремном дворе. Эти прогулки состояли в хождении быстрым шагом по дорожке от стены до стены. В этих условиях заметить зелёную былинку или сорвать её доставляло большое удовольствие. Постепенно из собранных в тюремном дворе растений у меня составилась необычный гербарий. Отчасти мне помогали в собирании растений мои товарищи по Думе: Сафонов, Огородников и Замыслов. Первую половину срока, как я уже упоминал, мы находились все вместе в одиночной камере, и вся жизнь у нас должна была протекать только на койках, которые служили и местом для сна, и местом для непрерывного дневного пребывания: и столовой, и рабочим, и письменным столом. В такой обстановке производилась засушка растений нашего гербария, чем и объясняется его техническое несовершенство. Раз в день нас выгоняли на прогулку в тюремный двор, в котором раньше имелась кое-какая растительность, старательно уничтоженная по приказанию губернатора Веретенникова, чтобы она не скрашивала мертвящего однообразия тюремной обстановки. Под надзором часовых и следовавшего по пятам надзирателя ежедневно члены Думы должны были в течение получаса безостановочно ходить вдоль двора от стены до стены. Стража тщательно выщипывала всякую былинку, всякий росток на дворе. Губернатор сделал в своё время нагоний тюремщикам за обнаруженные во дворе кустики («тюрьма — не дача!»). Двор был обнесён высокой каменной стеной, вымощен камнем, посыпан песком. Казалось, неоткуда было на нём взяться живой растительности, но природа брала верх над тупой человеческой злобой, и как ни смотрели сторожа, как ни выскабливали они появлявшуюся зелень, всё же среди камней — то у самой тюремной стены, то у полусгнившего сруба выгребной ямы, то в трещине в углу ограды успевали укрыться от их взоров некоторые растения, доставлявшие особую, трудно постижимую для людей, не бывавших в подобном положении, радость прогуливавшимся. Усмотреть такую травку во время прогулки, успеть её сорвать и принести с собой в камеру — это скрашивало однообразие наших дней и давало им известное содержание.

Постепенно возникла мысль собрать все те виды растений, которые неведомыми путями перебирались через высокую тюремную стену и в самых неблагоприятных условиях приспосабливались к скудной обстановке. Первоначально целью составления гербария было моё желание подарить его по выходе из тюрьмы одной из моих дочерей. Дежурные сторожа, наблюдавшие через окошечко в двери камеры из коридора днём и ночью за нами, по-видимому, не находили ничего подозрительного в том, что заключённый после прогулки тщательно расправлял растения и вкладывал их среди листов в единственный большеформатный том, допущенный среди книг в камеру («Приложения к отчёту государственного контроля за 1904 год»). Том этот вместе с растениями я клал на ночь под доски кровати, что заменяло пресс.

Вторую половину срока заключённые костромские депутаты провели в одиночных камерах, в которые были переведены благодаря своему постоянному настаиванию на этом, и то только после того, как по нашей просьбе член новой Государственной думы от Костромской губернии, наш близкий

друг Пётр Васильевич Герасимов¹ лично ходатайствовал об этом в министерстве. После размещения в одиночках прогулки уже происходили в заднем тюремном дворе, где администрация могла меньше опасаться появления высшего начальства и поэтому пробивавшаяся зелень уничтожалась не так тщательно. Здесь же в углу помещалась и баня, куда раз в две недели ходили заключённые. У её подгнивших стен с южной стороны удавалось всякий раз захватить два-три вида новых растений.

Семена растений, принадлежащих к семейству сложноцветных и некоторые другие виды, снабжённые пуховками, несомненно, заносились ветром. Но гораздо большее число видов заносилось голубями, галками, воронами и воробьями на лапках, а отчасти и оставались не переваренными в их помёте. Птиц же этих на тюремном дворе всегда было огромное количество. И они до такой степени привыкли к дружелюбному отношению со стороны заключённых, что в ранние утренние часы, пока тюрьма ещё спала, залетали целыми стаями в открытые окна камер. Птицы до такой степени привыкли получать у меня корм, что бесцеремонно садились на стол, на кровать и даже мне на плечи во время обеда. Это вызывало немалое удивление тюремной стражи. Даже галки осмелели настолько, что влетали в камеру и садились на подоконник. Осторожнее других до конца оставались вороны и один грач, ежедневно прилетавший под моё окно и упорно ожидавший, пока я не бросал ему остатки пищи. Он стремился перехватить брошенное ещё в воздухе, отбивая его у галок и ворон. Нужно сказать, что окно моей камеры выходило на глухую часть заднего двора и через него удавалось высматривать появляющуюся то в одном, то в другом уголке зелёную травку, которую затем во время прогулки нужно было изловчиться сорвать. Всякая попытка во время прогулки сойти с дорожки, а в особенности приблизиться к стене вызывала у стражи тревогу, раздавались окрики и угрозы со стороны надзирателей. Признаюсь, стараясь быть в отношении стражи совершенно лояльным, я часто подолгу не решался на то, чтобы нарушить правила прогулки и, отскочив с пути, сорвать интересующее меня растение. В этих случаях Сафонов или Огородников проявляли гораздо большую решительность. Свои находки они затем передавали мне. Не могу не вспомнить с благодарностью того самого несчастного рабочего Голубева, о котором я писал Л. Н. Толстому. Закованный в кандалы, он совершал прогулки на том же самом уединённом заднем дворе, где гуляли, только в иные часы, и мы. Как и все обитатели тюрьмы, он с глубоким уважением и удивительной предупредительностью относился к необычным сидельцам — членам Думы. Из своего окна он видел, как мы тайком срывали зелёные былинки, и чтобы облегчить это дело для нас, стал срывать в наиболее удалённых от дорожки местах интересовавшие нас растения, т. к. на него, уже приговорённого к смерти, окрики и угрозы стражников стрелять не действовали, ему терять уже было нечего. Сорванные растения он оставлял на дорожке, по которой после него ходили мы.

¹ Герасимов Пётр Васильевич (1877–1919) — присяжный поверенный, издатель газеты «Костромская жизнь», редактор газеты «Костромич»; депутат 3-й и 4-й Дум; кадет, кооптирован в ЦК в 1917. Расстрелян «за антисоветскую деятельность».

На листах, на которые наклеивались растения, у меня были сделаны отметки, какие из них попали в мой гербарий только благодаря трогательно-му вниманию этого человека, проводившего свои последние дни в смертельной тоске и тревоге в ожидании казни. Отметки эти были вырезаны тюремным смотрителем, задержавшим мой гербарий. Так же были вырезаны им и все отметки о времени и месте нахождения каждого растения.

Первое время каждую неделю, а затем — время от времени у нас производились тщательные обыски. Но мои растения не вызывали особого подозрения и благополучно оставались у меня. Они были систематизированы по семействам и родам, в том именно виде, в каком они находятся в настоящем собрании¹. Только при последнем обыске, накануне выхода на свободу гербарий был отобран вместе со всеми книгами, письмами и тетрадями. К моему несказанному удивлению, когда в момент выхода из тюрьмы мне вернули обратно в конторе все отобранные вещи и книги, гербария среди них не оказалось. Как ни торопился я ускорить желанную минуту своего превращения из тюремного инвентаря снова в человека, я не мог не сделать тут же попытки добиться возвращения моей коллекции. Обратившись к тюремному смотрителю, я настаивал на своём праве получить обратно гербарий, но все мои требования были тщетны, и в ответ я получил решительное заявление, что гербарий конфискован и будто бы уничтожен.

Через несколько дней после выхода из тюрьмы за дело возвращения моего гербария взялся опытный адвокат Николай Александрович Огородников. Он съездил, уже в качестве не подневольного обитателя, а свободного защитника моих прав, к смотрителю и выяснил, что гербарий ещё не уничтожен. Но, в конце концов, и он получил такой же отказ вернуть его, как и я. Тогда он обратился к губернскому тюремному инспектору. В соответствии с полученными от него указаниями я подал прошение в главное тюремное управление и, в конце концов, после длительной проволочки, мне удалось вернуть гербарий, хотя и в изуродованном виде. Смотритель в своём письменном отзыве о невозможности вернуть моё собрание привёл совершенно нелепое основание об опасности выпускать из тюрьмы топографические данные, заключающиеся в отметках о месте находки растений. Точно тюремный двор был крепостью, а указания на выгребные и помойные ямы в нём приравнивались к сведениям о размещении крепостных орудий и верков². Впрочем, изувечившие мои листы с растениями многочисленные вырезки, если и уменьшили ботаническую ценность гербария, то зато увеличили его полицейско-бытовой интерес, являясь характерным штрихом, обрисовывающим бессмысленно тупую и мелочную систему издевательств, с которыми нам пришлось иметь дело в тюрьме.

Вторая половина отбываемого срока, несмотря на всё обострявшуюся тоску по семье, на невыносимо мучившее желание увидеть солнце, небо, зелень деревьев и кустов (окна тюрьмы были заслонены сверху и с боков досчатыми ширмами), протекала легче, чем первая. Пребывание в одиноч-

¹ После смерти Захара Григорьевича гербарий был передан одной из его внучек в краеведческий музей в Вологде.

² Верки — различные оборонительные сооружения в крепости.

ных камерах позволяло сосредоточиться и заниматься без помех. В камеру было разрешено передать научную литературу. Я успел тщательно изучить пять или шесть томов Кальмета «L'epuration biologique des eaux d'égouts», медицинскую микробиологию Колле и др. монографические издания. Большим утешением были многочисленные письма и открытки друзей, знакомых и совсем незнакомых людей со словами приветия, внимания, ободрения или просто с видами моря, природы... Но в день освобождения все тетради, всё написанное, даже книги, в которых были какие-либо пометки, были задержаны для просмотра. Только вечером увидел я ожидавшую меня в канцелярии жену. Дома же меня ждали несколько представителей костромского общественного собрания, земства, несколько врачей. На память была вручена стоящая и сейчас перед моими глазами на письменном столе серебряная оправа для памятной книжки. На её верхнем краю изображена Государственная дума (Таврический дворец), а на нижнем — костромская тюрьма. На доске выгравировано одним из костромских гравировщиков приветствие и пожелание дожить до полного расцвета демократии в нашем отечестве. Вот эта надпись:

«Члену первой Государственной думы от костромичей 9 сентября 1908 года. Приветствуем Вас в день Вашего освобождения из тюрьмы! Имя Ваше и Ваши товарищей, членов первой Государственной думы, неразрывно связаны с делом мужественного и стойкого отстаивания народных прав. Самоотверженная, проникнутая любовью к родине деятельность Ваша навсегда запечатлится в народном сердце и народной памяти. Пройдут суровые годы безвременья. Благодарная страна, посылая в Таврический дворец своих избранников, вновь назовёт ваши испытанные уже, оправдавшие доверие народа, имена. Вместе с Вами мы верим в славное будущее нашей родины. Пусть же эта вера смягчит Ваши тяжкие воспоминания прошлого, яркой незакатной звездой озарит намеченный Вами путь к торжеству права и правды!»

Губернатор запретил мне служить в земстве. Поэтому я принялся на дому за большую работу по анализу и текстовому освещению материалов о движении населения в Костромской губернии за 15 лет. Этот материал был положен в основу написанной осенью 1908 г. работы «Холера и оздоровление городов». Работа была напечатана в виде статей в «Русской мысли», а затем вышла отдельным изданием. Я прочитал об этой своей работе доклад в помещении костромского клуба с демонстрацией многочисленных карт, картограмм и диаграмм о распространении холеры. Он вызвал оживлённый интерес среди костромских врачей. Появился ряд очень благоприятных рецензий о работе.

Но в это время вновь в мою судьбу вмешался губернатор Веретенников. Как и во время своей службы в Киеве, он и в Костроме организовал черносотенный кружок из нескольких приехавших с ним чиновников и стал издавать костромской орган «Союза русского народа». В этом совершенно безграмотном, откровенно погромном листке одна за другой стали появляться статьи клеветнического характера, специально направленные против прогрессивно настроенных служащих земства, причём главным средством для их очернения стало постоянное и назойливое утверждение, что

они живут не своим умом, а якобы опутаны и одурачены мною, всеильным «жидом», которому они во всём следуют. Никакого впечатления и действия эта слишком уж глупая и безграмотная стряпня в Костроме не производила. Но вскоре после этого я получил по почте в конверте с сургучными печатями приговор «каморры¹ народной расправы» «Союза русского народа». Между двух листков бумаги был вложен чёрный крест, а приговор, написанный печатными буквами, гласил, что каморра постановила подвергнуть бывшего члена Государственной думы З. Г.Френкеля смертной казни и что постановление это будет приведено в исполнение в случае, если в течение краткого времени названный Френкель не покинет пределов Костромы и Костромской губернии.

Я показал этот приговор знакомым, демонстрировал его в клубе. Спустя несколько недель я получил официальную повестку, приглашавшую меня явиться к губернатору для личных переговоров. Он принял меня в своём кабинете. В самой вежливой форме он сообщил мне о принятом им решении выслать меня из Костромы, т. к. он находит, что я пользуюсь чрезмерно большим авторитетом среди влиятельных кругов населения в Костроме и в губернии, и это не совместимо с его видами на общеполитическое руководство во вверенной ему губернии. Поскольку он не хотел бы причинять экономических затруднений моей семье, он пригласил меня, чтобы лично посоветовать мне самому уехать из города. Тогда в любом другом месте я смогу устроиться на работу в земстве. Если же я сам не уеду, он будет вынужден выслать меня на основании «положения о чрезвычайной охране».

Я выслушал этот его любезный совет и ответил тоже в самом любезном тоне, что не вижу решительно никаких оправданий и оснований для его решения выслать меня из Костромы; что я считаю такую высылку проявлением грубого произвола, поступком вредным, неправомерным и несправедливым. За свои действия я несу высшую моральную ответственность перед своей общественной совестью. И я ни в каком случае не сделаюсь соучастником в его дурном и совершенно незаконном проявлении произвола и не облегчу ему выполнения его неправого дела. Я показал специально взятый с собою мой «смертный приговор» от имени «каморры народной расправы» и заявил, что его решение о высылке так же несправедливо и служит проявлением того же произвола, как и этот самочинный злодейский документ. Вид вынутого из кармана «приговора» вызвал у Веретенникова некоторое смущение. Он стал рассказывать что-то об угрозах со стороны «революционных групп» ему в бытность его киевским губернатором, из-за чего он с тех пор всегда имеет при себе заряженный револьвер. При этом для большей наглядности он поднял со стола револьвер. Затем он пустился доказывать правомерность своего стремления оградить коренное русское население Костромского края от «еврейских» направлений и влияний. Я повторил в совершенно твёрдой форме своё заявление, что из Костромы я ему в угоду не уеду, а за свои действия он должен будет нести всю ответственность.

¹ Каморра — наименование тайной бандитской организации на юге Италии в XVIII–XIX вв.

На этом закончился наш «любезный» обмен мнений. После этого ещё месяца два я продолжал жить в Костроме. Как-то, когда я поздно вечером возвращался на набережную Волги, где я тогда жил, ко мне подошёл один из местных спившихся «бывших» людей (золоторотец) и стал мне настойчиво советовать не ходить в глухое время по спускам к набережной. «Против тебя подговаривают. Далеко ли до греха». В тоне его была искренняя тревога. Я ответил ему, что никогда я никому ничего плохого не сделал, так чего же мне бояться?

В апреле, когда на Волге начались первые подвижки льда, ко мне явился полицейский надзиратель с приказом губернатора о высылке из Костромы и сообщил мне, что через два-три часа на лодке под его контролем меня переправят через Волгу, т. к. о выполнении приказа он должен немедленно доложить губернатору. Он ушёл готовить лодку. Моя жена Любовь Карповна быстро собрала меня в дорогу. С небольшим чемоданом я перешёл Волгу по стоящему ещё льду и уехал в Москву.

Незадолго до этого к нам приехала серьёзно больная сестра моя Софья. Прекрасный хирург, костромской врач Крюков¹ прооперировал её. С горькою тоской покинул я Кострому после часового свидания в больнице с очень слабой ещё после операции сестрой.

Только пять лет спустя, в 1913 г., я ещё раз побывал в Костроме, занявшей на всю жизнь в моём внутреннем мире большое, неизгладимо важное для меня место. Немного лет моей жизни (с сентября 1904 по апрель 1909 г., т. е. пять с половиной лет в возрасте 34–40 лет) было связано с пребыванием и деятельностью в Костроме, но это были наиболее интенсивного, многостороннего и захватывающего развёртывания моих сил и моего сознания.

В Костроме я узнал людей, внутренняя сила, обаятельная цельность и красота личности которых живёт в моей душе и не померкнет, пока я остаюсь в живых: Иван Васильевич и Павел Васильевич Шулепниковы, Михаил Михайлович Крюков, Александра Дмитриевна Лапотникова и многие, многие другие. Там я нашёл друзей, светлый образ которых озаряет лучами подлинного испытанного счастья весь последующий путь мой. Это в первую очередь Николай Александрович Огородников.

С Костромой связаны и глубоко запавшие мне в душу эстетические впечатления: близкие и далёкие виды волжских берегов, уютные особняки и храмы, зелёные улицы. Отрывал ли я на минуту глаза от работы, сидя у своего письменного стола, выходил ли утром из дома или возвращался при закате солнца домой, я смотрел на широкую гладь Волги, на которую выходили окна нашей квартиры. Я ловил взором далёкие перспективы сёл с их церквями, полей и лесов, раскинувшихся на противоположном высоком берегу. Частые, летом почти ежедневные прогулки и переезды на лодке с моими малыми детьми и их друзьями на тот берег Волги, поездки по Волге в Пушкино и в Плёт, в Кинешму и Юрьевец — и везде, всегда — встречи с людьми, близкими по делу, по настроениям, по искренней, честной предан-

¹ Крюков Михаил Михайлович (1864–1927) — известный хирург, автор оригинальных методик (симптом Крюкова при заболевании печени).

ности и службе народу. Всё это оставило глубокие следы на всю жизнь на моём внутреннем мире, отложилось в душе.

Мой отъезд из Костромы без спасательной лодки и без сопровождения околоточным надзирателем был причиной большого беспокойства для моей семьи. Не доверяя тому, что я мог перейти Волгу при начавшейся подвижке льда, полиция искала меня повсюду в городе, установила дежурство у моей квартиры.

В Москве тем временем я пытался найти литературный заработок. Но, прежде всего, посоветовавшись с юристами, я написал жалобу на Веретенникова и направил её в Министерство внутренних дел. В ней я с полной объективностью изложил признаки совершенной неспособности Веретенникова сколько-нибудь осмысленно держаться на губернаторском посту. В жалобе отражены многие характерные черты произвола власти в провинции в столыпинский период. Текст жалобы был напечатан в тогдашних петербургских газетах. Но напрасно я ждал хотя бы какой-нибудь реакции на мою просьбу о защите от произвола. Только год спустя, когда я жил уже в Петербурге, мне было вручено полицией под расписку постановление министра по моей жалобе на Веретенникова: «Оставить без последствий». Однако, хотя и несколько позже, чтобы не ронять губернаторский престиж, Веретенников был всё-таки снят с должности губернатора.

В Москве я оставался недолго. Для временного заработка я воспользовался предложением «Русских ведомостей»¹ и «Русского слова»² написать в виде корреспонденций несколько очерков о санитарном устройстве крупных приволжских и некоторых других городов в связи с опасностью возобновления летом 1909 г. холеры.

Холера приняла уже сильное развитие ещё с осени 1908 г. Я побывал в течение апреля в Самаре, Казани, Саратове, познакомился всюду с состоянием водоснабжения, виделся с руководителями санитарных организаций. Из близких к Москве городов я побывал в Рязани и Калуге. Результаты этих поездок также вошли в работу «Холера и оздоровление городов». Сотрудничал в журналах «Начало», «Новое слово», «Жизнь», «Мир божий». В мае 1909 г. я переехал из Москвы в Петербург.

Снова Петербург (1909–1914)

Период жизни в Петербурге в 1909–1914 гг. отличался от моей жизни в Вологде и в Костроме тем, что основное содержание моей деятельности не было связано с одним стержневым занятием, с работой земским санитарным врачом, с постоянным ощущением себя частью земского строительства,

¹ Одна из крупнейших русских газет (М., 1863–1918). Программа: политические и экономические реформы. С 1905 передана кадетам. После Октябрьской революции закрыта.

² Ежедневная либерально-буржуазная газета. 1895–1918. Издатель И. Д. Сытин. Закрыта советской властью за антибольшевистскую пропаганду.